

Антон ЛУКИН

с. Дивеево

Нижегородской области

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

рассказы

Собачья жизнь

Сергей Михалин, крепкий, высокий мужчина средних лет, неспешно обходил лужи, утопая ботинками и оставляя глубокие следы в склизкой грязи. Он пробирался к дому. Шел от Лисенковых. Забегал на полчаса посмотреть стиральную машинку, да задержался до позднего вечера. Подходя уже к дому, он заприметил на крыльце жену. Ее встревоженный взгляд насторожил и его. Неужто опять чего с Ольгой? Его младшенькая последнее время частенько принималась хворать.

— Сергей... — женщина хотела было что-то сказать, но, увидев вопросительное лицо супруга, промолчала.

— Ну? Чего стряслось? — отозвался муж.

— Рэм чем-то отравился, по-видимому. В сенах лежит, скулит только, больше ничего. Ефим приходил, говорит, не выживет, только мучается, легче добить. Хотел было обухом топора перебить. Не дала. Тебя решила дожидаться. Даже и не знаю, что делать, — женщина потерла глаза, в которых блеснули слезы. — Ему

что теленку лоб проломить, что любой живности хребет сломать — раз плюнуть.

Сергей приподнял кепку, почесал затылок.

— Дети как?

— Я им не говорила.

— Ты вот что, Юль, давай иди в избу. Я сейчас тоже подойду.

Сергей зашел в сени. На полу на почерневших от старости досках лежал пес и тяжело дышал. Почувствовав хозяина, попытался приподнять голову, но лишь жалобно заскулил и печально моргнул глазами.

— Что же ты эдак, братец, непутево-то так, а? — Сергей присел на корточки, погладил пса. Тот снова заскулил и слабо вильнул хвостом. Казалось бы, и голос теперь прозвучал радостней. Сергей, тяжело вздохнув, провел ладонью по щетине.

— Н-да, — тихо вымолвил он. — Ну, ничего-ничего. Все будет хорошо. Оклемаешься.

Михалин еще раз провел сильной мозолистой ладонью по мягкой шкуре пса. Заглянул в глаза, увидел в них свое отражение. Сердце больно сжалось. Даже ком подкатил к горлу. Тот холодный осенний вечер он помнил как сейчас, когда совсем маленьким щенком по-

добрал его на обочине. Кто-то оставил этот живой комочек шерсти на произвол судьбы. Этой «судьбой» для щенка оказался тогда проезжающий мимо Михалин. И вот за какую-то зиму из маленького комочка вымахал полный силы и энергии пес с гладко-рыжеватой шерстью. Сейчас же этот самый пес лежал у его ног. Совсем не старый, еще живой, но это уже был не тот Рэм, который обожал детей, играл с ними и каждый раз бросался в объятия хозяев, когда те возвращались с работы.

— Ты только, дружок, потерпи. Все будет хорошо. Вот увидишь.

Показалась жена.

— Как он?

— Надо в лечебницу везти, — Сергей приподнялся. — Мигом на ноги поднимут.

— Так кто же на ночь глядя-то лечебницу откроет?

— Откроют. Еще как откроют, — Сергей снова посмотрел на пса. — Неси какое-нибудь тряпье, чтоб постелить да укрыть можно было.

Юля зашла в избу. Сергей, закурив папиросину, поправив на лбу кепку, отправился искать машину. Проходя мимо Ефимова дома, Сергей с презрением посмотрел на окна, в которых горел свет.

— Обухом, говоришь, добить хотел, тюня, — Михалин стиснул зубами папиросу. — Тебе живую душу загубить что портному карман пришить. И то верно.

У Щукиных в избе горел свет. Хозяйева еще не спали. Сергей, потушив ботинком окуроч, поднялся на крыльцо, крепким кулаком постучал по двери. В избе послышались шорохи.

— Кто? — донесся встревоженный женский голос.

— Клавка, открывай!

— Кто, спрашиваю?

— Михалин!

— Господи, — шаги приблизились к двери. Щелкнул затвор. — Чего не спится?

— Твой дома?

— Где ж ему быть?

— Позови, поговорить нужно.

— А чего стряслось-то? — голос собеседницы насторожился. Торопливый тон, с каким Михалин звал хозяина избы, не очень радовал. Было ясно: что-то случилось.

Немного погодя дверь открыл сам Геннадий Щукин. Вышел на крыльцо, поздоровался. Клавка, поправляя платок, последовала за мужем.

— Чего спать не даешь?

— До Черемушек докинешь? Срочно нужно.

— Ну, если срочно...

— А чего стряслось-то? — Клавку в отличие от супруга любопытство распирало изнутри.

— С Рэмом что-то произошло. До утра, видимо, не доживет. К ветеринару свозить бы надо.

— Совсем ополоумели, — развела руками хозяйка избы. По-видимому, ответ ее не очень устроил. — Своих проблем мало, еще собак подавай!

Сергей недовольно шевельнул скулами.

— Ну, так как?..

— Так ведь лечебница, поди, закрыта, — Геннадий почесал за ухом, было видно, что и он немного в недоумении.

— Нет, ё-моё, вас дожидается, когда вы на ночь глядя объявитесь, — залепетала Клавдия со злой усмешкой. — Людей толком не лечат. Помирать ночью станешь — не приедут. А тут собаку...

— Мы со Степаном Игоревичем знакомы немного. За ним должок.

— Подожди минутку, — Геннадий зашел в избу.

Михалин достал папиросу, нервно сжал пальцами, закурил. Запрокинул голову, посмотрел на звезды, сделал глубокую затяжку, перевел взгляд на Клавку. Та, поправляя платок, скривила нос, что-то вполголоса буркнула и тоже зашла в избу.

Сергей от обиды скрипнул зубами. Вот ведь как. Как на дурачка посмотрела. Из-за собаки, мол, шум поднял. Что же теперь его бросать изволите? Мол, твоя песенка спета, другого заведем. А то, что у него душа есть, как у каждой живой твари, это уже ни о чем не говорит? Да ты подойди, посмотри в глаза его. Разве он ничего не понимает? Все понимает. Лучше любого из нас понимает, да только вот сказать ничего не может. А от этого больно втройне, когда тебя понять никто не может. Давайте теперь от него и нос воротить будем, и сапогом под хвост — нам больной не нужен.

— Сейчас еще и там начнут выкобениваться, — Михалин сплюнул окуроч. О том, что он знаком с ветеринаром и уж тем более у того должок, он приукрасил. — Я им начну...

Вышел Геннадий. Быстренько завели уазик, погрузили собаку на заднее сиденье и поехали в

райцентр. Ехали не спеша, сильно не разгонишься по таким ухабам, да еще и ночью.

— Елки зеленые, — ругался Сергей каждый раз, когда налетали на кочку и от этого машину потряхивало. Раньше на это и усом не повел бы, но сейчас от каждого резкого содрогания пес жалобно скулил. — Когда же дорогами-то займутся, мать вашу в три ноги!

— Рак на горе в сотый раз охрипнет, пока начальство почешется, — буркнул Геннадий. — А пес не жилец. Зря везем.

— Ну, это мы еще поглядим, — ответил Сергей. — Бросить его вот так не могу, понимаешь? Не могу. Кем я буду после этого, если его жизнь на какие-то семь литров бензина променяю? А вдруг и правда на ноги встанет? — Михалин вздохнул. — Он ведь прошлым летом дочурку мою из лесу вывел, когда та от подруг отстала и заплутала. Помнишь? Всей деревней искали, не нашли, а он вывел. И что же я теперь после этого должен, ему обухом по голове, только лишь бы не скулил и глаза не мозолил? Так по-твоему?

Геннадий промолчал. Он и забыл совсем, что пес действительно тогда вывел девчущку из лесу и не бросил, не оставил одну. Теперь уже и Щукину стало жаль пса. Захотелось, чтобы он непременно поправился. И очень хорошо сейчас понимал приятеля. Да если бы этот пес так же спас его сынишку, он бы семь шкур на себе порвал, только бы тот выжил.

Как и ожидали, в окнах Степана Игоревича не горел свет. Ветеринара либо не было дома, либо досматривал четвертый сон. Сергей подошел к окнам, постучал.

— Кого там черти еще принесли?! — слышался грубый мужской голос. Гости подивились такому добродушному хозяину. Открылось окно, и показалось молодое, помятое от вина лицо тридцатилетнего мужчины. — Чего надо?

— У нас тут собака...

— Да мне плевать, что у тебя там! — огрызнулся мужчина, и глаза его в эту секунду злобно блеснули.

— Лешка, кто там? — слышался еще один голос. Открылось другое окно, в которое выглянуло пожилое лицо хозяина.

— Степан Игоревич? — обратился к старику Сергей.

— Ну? В чем дело? Что стряслось?

— У нас тут собака. Понимаете? Рэм. Отравился, по-видимому, чем-то. Осмотреть бы надо...

— Да вы что, молодой человек, издеваетесь, что ли, в самом деле? Вы на часы смотрели?

— Ну все, гады, молитесь, — по-видимому, недовольство отца еще больше возмутило и пьяного сына.

— Лешка, а ну не дури! — прикрикнул старик и вместе с сыном скрылся в избе. В сенях слышались громкие шаги и ругань. Со скрипом распахнулась дверь, и на улицу выскочил разъяренный Алексей. Тот смотрел на гостей с такой ненавистью, будто те оклеветали его в чем-то нехорошем, испачкав гордость и задев самолюбие.

— Кому тут собаку вылечить, мать вашу?! — Алексей двинулся к Сергею, видимо потому, что в основном он и вел беседу. Замахнулся. Сергей попытался увернуться, не совсем успел — задел кулаком по уху.

Тут уже и Михалин окончательно вышел из себя. Насмешки и непонимание по поводу пса разозлили, разожгли огонь в груди.

— Ах ты, падали кусок! — И Сергей звезданул Алексею в челюсть. Из-за хмеля тот не успел увернуться и принял весь удар. Рука у Михалина была тяжелой. Мужчина упал на землю и уже больше не вставал.

— Милиция! Вызовите милицию! — закричал на всю улицу перепуганный ветеринар. Михалин схватил его за руку, еще больше этим напугав, и потащил к машине, где лежал пес.

— Сергей, Сергей! — попытался одернуть разбушевавшегося друга Геннадий. — Успокойся. И в самом деле милицию вызовут.

— Я им вызову, я им так вызову! — Сергей чуть ли не силком двинул ветеринара к машине, показывая на больное животное.

— Успокойтесь, в самом деле. Это всего лишь собака. Я могу ей сделать укол. Усыпить, понимаете? — Степан Игоревич посмотрел на пса, раздвинул зрачки. — На ноги я вам его уже все равно не поставлю. Час, полчаса — и всё... Единственное, что я могу, так это прекратить мучения.

...Михалин с трудом припоминал, как приехала милиция и молоденький сержант со старшиной вежливо попросили присесть в машину. Кто-то из соседей, перепугавшись за Степана Игоревича, вызвал милицию. В отделении с Сер-

И такое бывает

геем беседу вел старший лейтенант, примерно его возраста. Человек неглупый и по взгляду и разговору рассудительный и справедливый, что на редкость удивило и обрадовало. Михалин перестал нервничать, быстро успокоился. Даже грубить не хотелось в присутствии этого милиционера, а со временем и стыдно стало за свое поведение. Старлей вызвал к себе сержанта и на минуту покинул с ним кабинет. Через полчаса молоденький сержант вновь дал о себе знать.

— Ну так вот что, — произнес старший лейтенант, поглаживая усы. — Заявление Степан Игоревич писать на вас отказался. Сын явно наутро о случившемся инциденте не вспомнит. Что же касается собаки, то тут уж, извините, каждому Господь Бог отмерил свое время. И это тоже понимать нужно. Поэтому я сделаю вид, что состава преступления в ваших действиях не нахожу. Но... — тут дежурный привстал и вышел из-за стола. — Но настойчиво требую ехать сейчас домой. Подобное произойдет — укуку лет на пять. Я понятно выразился?.. Ну и хорошо.

Михалин покинул вместе со старлеем кабинет, и тот позвал сержантика, который тут же появился откуда-то из-за угла, держа в руках щенка.

— А это вам подарок от моей Герды. Выбросить, я так понимаю, у вас рука не поднимется, а обратно я его не приму. Уж извините. Всего доброго!

Дежурный позвал к себе Шукина и еще раз настойчиво предупредил, чтобы тот отвез Михалина домой, взяв с того расписку.

Обратно ехали молча. Тихо лепетало в машине радио, и изредка рыжеватый щенок, похожий на Рэма, чесал задней лапой за ухом и тыкался носом Сергею в куртку. Тело Рэма лежало по-прежнему на заднем сиденье. На уговоры водителя оставить собаку где-нибудь у посадки Сергей не соглашался. Он уже знал место, где похоронит. Поглаживая щенка, он печально смотрел на дорогу, где свет автомобильных фар сопротивлялся с темнотой. Когда-то он вот так же вез домой таким же щеночком и Рэма. Но за весь сегодняшний вечер Михалин так и не понял, для чего люди держат собак, называют другом человека? Ведь друг — это понятие относительное. Верно, собака за хозяина и жизнь отдаст. А хозяин ради пса соизволит прийти на помощь, приподнять свой зад или легче обухом по голове? Вот такая вот она — собачья жизнь.

Поезд сделал короткую остановку на пять минут, и в вагонах тут же засуетился народ. Кто-то выходил на станцию, а кто, наоборот, тихонько пыхтя, протискивался в поезд. Семен лежал на нижнем ярусе и читал книгу, когда с ним вежливо поздоровались. Это был мужчина лет сорока-сорока пяти, приятной внешности, ухоженный, с добрыми глазами. Даже легкая седина на висках не старила его, а, наоборот, украшала, придавая зрелости. Почему-то Семену сразу же подумалось, что тот непременно работает врачом, каким именно, конечно, сразу не скажешь, но что врачом — наверняка.

— Игнат, — представился сосед и слегка улыбнулся.

— Семен, — представился парень, и они обменялись рукопожатием.

Мужчина разложился поудобнее на соседнем нижнем ярусе. Огромную черную сумку он убрал под сиденье, а маленькую серенькую положил рядом — перед собой.

— Тоже до Москвы? — поинтересовался он.

— Ага, — кивнул Семен, посмотрел немного на соседа и прикрыл книгу. — Так-то я нижегородский, домой еду... С Казанского сяду, восемь часов — и дома, — Семен слегка улыбнулся. — Сам откуда?

— Москвич.

— Интересный народ.

Мужчина приятно улыбнулся.

— Как и везде... Служивый, что ли?

— Ну, — паренек провел ладонью по короткой стрижке. — Всё. Дембель.

— Поздравляю!

— Четвертые сутки в этом вагоне тряусь. Туту-туту!.. Скорее бы, — последнюю фразу Семен произнес полупшепотом.

— Два года терпел, а тут уж и подавно выдержишь, — Игнат потер подбородок. — Не желаешь пригубить, так сказать, немного?

— Не откажусь.

— Тут у меня где-то коньячок заваялся. Вот и обмоем твой дембель, — мужчина открыл серую сумку.

— Да я уж здесь в первый день наобмывался. Ребята сверху до Новосибирска ехали, — Семен кивнул головой на верхний ярус. — Выпили, ста-

ли песни орать. Проводница пришла, ругаться давай. С характером зараза.

— Ну, ругаться не надо. Спокойнее нужно быть.

— И я об этом же, ругань ни к чему.

Игнат достал бутылку коньяка, немного пошвырявшись в сумке, достал пакет с нарезанной колбасой.

— Шоколада... — положил он колбасу на столик рядом с бутылкой, — шоколада, говорю, нет, будем так. Мне, кстати, и колбасой нравится закусывать.

— Да бог с ним, — Семен махнул рукой. — Мне это сладкое уже вот здесь, — провел ладонью у горла, — на одну сгущенку глаза век посмотреть не будут.

— Понимаю, — Игнат улыбнулся, взял бутылку, разлил. — Ну, давай, солдат, за дембель!

— Давай, — чокнулись, выпили, закусили. Поставив стакан ближе к бутылке, Семен бросил взгляд в окно, где маячили телеграфные столбы, бескрайние поля, лесочки на заднем плане, ярко светило солнце, природа радовала глаз зеленью, и на душе сразу как-то делалось по-весеннему тепло и приятно. — Эх, до чего же хорошо.

— Ну да, коньяк ничего пошел, приятно.

— Да я не об этом. Вокруг хорошо. Солнце, небо, зелень... Красота-а! — Семен немного призадумался. — Все-таки правильно говорят — уходить в армию лучше по осени, а приходить весной. Да разве сердце выдержит... Это когда тебе еще год служить, не задумываешься больно-то, а когда семьдесят дней до дома, да ты в наряде, а тут такая красота... Измучаешься весь. В феврале-то с ума сходишь, не то чтобы уж про август говорить. И ведь что самое интересное, Игнат, тоска и начинает мучить по-особенному, когда тебе остаются какие-то считанные деньки. Первые полгода гоняют как сидорову козу, тут не до тоски. Потом привыкаешь, втягиваешься потихоньку, приходят молодые, расслабляешься. И вроде служить-то еще целый год, а не задумываешься особо. А вот когда деньки-то приближаются и можно месяцы по пальцам на одной ладони пересчитать, тут уж да, тут уж тоска и начинает просыпаться. Все уже надоело, ничего неохота, а служить еще три месяца. Караул. Если поначалу недели не замечаешь, пролетают в нарядах, только глазом успевай моргнуть, то под дембель

денечки тянутся как резинка из трусов. Тоска по дому гложет и гложет.

Игнат взял бутылку и снова разлил. Семен тяжело, печально вздохнул. То ли коньяк так быстро на него подействовал, то ли и правда душу что-то тревожило, что хотелось говорить. И говорить про армию. Это понятно. О чем же еще мог сейчас беседовать этот двадцатилетний парнишка, когда только недавно сменил сапоги на кроссовки.

— ...И вот стою я, значит, в умывальнике перед отбоем, бреюсь, — начал Семен. — А завтра вечером — поезд. Домой. Гляжу в зеркало на себя, и так сердце сжало, так горько и печально сделалось, что готов был прослезиться. Ведь все это я больше никогда не увижу. Больше никто не разбудит меня криком «подъем!», не будет больше ни прапоров, ни ротного, ничего этого больше не будет. И как бы я всю службу ни проклинал и как бы ни рвался домой, а вот в ту самую минуту так горько мне сделалось. Не поверишь. Печально стало, что уезжаю. Уже другая тоска трепанула душу, — Семен обреченно вздохнул. — Что ни говори, а все же два года я в этой казарме прожил, в столовую ходил, на посты... Да и ребят больше наверняка не увижу. Прощались, радовались... Дембель, а на душе тоскливо. Вроде бы и радостно, а в то же время и грустно. И каждый из нас понимал: разъедемся и поглотимся в суетливый омут жизни. И не будет ничего этого, не будет лиц, к которым привык за два года, не будет ничего.

Игнат посмотрел на паренька, на худое лицо его, на крепкие жилистые руки и, тоже вздохнув, промолчал. Вспомнил себя, когда пятнадцать лет назад так же возвращался со службы домой. И тоже в душе творилось что-то непонятное, что-то такое, чего словами не передать.

— Что-то ты о грустном заговорил, брат, — Игнат протянул пареньку стакан с коньяком.

— И не говори, — Семен принял выпивку. — Давай за родителей.

— Давай, — чокнулись, выпили, закусили. — Чем собираешься на гражданке заниматься?

— Пока не знаю, — пожал плечами, — отдохнуть надо.

— Смотри не загуляйся.

— То есть?.. — не понял Семен.

— Поступать не думаешь в институт?

— Да нет, говорю же, отдохнуть надо. А через годик можно и поступить. Учиться, конечно, надо.

— Надо. Ты деревенский?

— Ну.

— И я тоже из деревни...

— А говорил, москви-ич... — в голосе Семена послышалось легкое разочарование.

Игнат улыбнулся.

— Да у нас пол-Москвы — кто из Брянска, а кто из Махачкалы. И все москвичи. Лишь бы прописка была.

Семен кивнул головой.

— Отслужил, домой вернулся в девяносто втором, загулял немного. Да как немного, хорошо загулял. В деревне работы нет, в городе беспредел один. Молодежь вся в группировки подалась да в город рванула. Сейчас все на кладбище обитают. Больше двадцати пяти и не пожили. А я три года пил по-страшному, дурью маялся. Всё, думал, сопьюсь. Ничего порой в голову не лезло, даже жить не хотелось. Потом Людмилу встретил. Видно, есть все-таки Бог, не дал сгинуть. Люда, она, конечно, молодец, сильная она...

— Жена?

— Жена. Двух сыновей растим. Никитка да Сережка. Младший в следующем году в школу пойдет, — Игнат призадумался немного, взял бутылку, открыл, стал разливать.

Проводница, что шла мимо, остановилась. Крепкая черноволосая женщина с густыми бровями, как у Брежнева, недобро посмотрела на Семена.

— Смотрите, тихо тут, не горланьте больше, а то быстро ссадим, — сказала и тут же удалилась.

— Ух ты, гляди какая, — паренек скривил улыбку. — Что же, теперь и выпить нельзя?

— Да брось ты, не обращай внимания. Невеста-то есть?

— Есть, — Семен улыбнулся. — Оксаной звать. Дождалась.

— Значит, любит. Поженитесь. Все у вас хорошо будет.

— Дай бог.

— Все же мужик, когда женат, не так дурью мается, как холостой. Что ни говори, а без женщин пропали бы. Хрупкие они, безобидные, а столько силы в них, что у нас этой самой силы нет. Все выдержат, все могут, иной раз у нас руки опус-

тятся, а у них — нет. Сила, она ведь не здесь, — Игнат похлопал Семена по плечу, — а тут, — положил ладонь на грудь. — А мы их обижаем, — Игнат тихонько вздохнул. Взял стакан, выпил. — Переписывались?

— А то, — Семен тоже выпил. — Только этим и жил. Тяжело, конечно, вдвойне, когда девушка на гражданке ждет. Душа вся изноется. Но она у меня хорошая. Пацаны все удивлялись, зачем, мол, пишу, сотовый же есть, и так каждый день разговариваем. А я им: не понимаете вы, говорю, ничего не понимаете. Письмо-то получу, так я его раз двадцать прочитаю, каждое словечко, каждую строчку наизусть помню, и от листка самого ее ладонями пахнет. Сложишь, уберешь в карман, и будто рядом она с тобой, все же какая-никакая, а ее частичка присутствует.

— Это ты верно говоришь, — Игнат тихонько кивнул и еще раз повнимательнее посмотрел на соседа. Красивый юноша, не избалованный жизнью и не сломанный армией. Слушаешь его, и как-то даже тепло, что ли, на душе становится, хорошо. И тут же охота пожелать ему настоящего человеческого счастья. Чтобы не испортила, не измучила гражданская жизнь, как бывает часто.

Семен отвернулся к окну и задумчиво уставился вдаль. Перед глазами стояла Оксана. Ее милое, нежное, как утренняя роса, и веселое, как лучик солнца, личико. Слегка курносая, рыжеволосая, с крошечными веснушками у носика. И глаза — добрые-добрые. Смотришь в них и чувствуешь всю нежность ее, всю доброту. И сама она добрая-добрая, в жизни, наверное, таких людей не бывает. Всех жалела, всех любила своим добрым сердцем. Выйдешь, бывало, с ней вечером на прогулку, а она голову склонит и тихо так, полупшепотом: «А у бабы Тамары корова отелилась. Только вот теленочек двух дней не пожил. Умер. Слабеньким родился. Жалко». Подумаешь про себя: ну что же, бывает. Люди гибнут, а живность и подавно. А послушаешь, как она скажет, заглянешь в ее глаза, и так жалко самому становится этого теленка, будто сам его под сердцем выносил. Никому ни в чем не отказывала. Всем во всем помогала, только попроси. Да и просить иной раз не надо, сама помощь предложит. Доверчивая очень, потому и обижали, бывало, ее же ровесницы. Завидовали красоте ее земной. Редко в жизни так бывает, чтобы красо-

та и доброта в одном человеке ужились. За то и полюбил ее Семен, всем сердцем полюбил. Сильно. Горячо. Все два года о ней только и думал. Даже сейчас, уже в поезде, а сердце не перестает ныть и образ ее перед глазами.

— Чего загрустил опять? — потревожил воспоминания Игнат. — Пойдем покурим.

Отведя взгляд от окна, Семен тихо вздохнул и, прихватив со столика пачку сигарет, отправился курить.

Проведя на Казанском вокзале несколько мучительных часов ожидания, Семен наконец-то сел в поезд. Еще несколько часов трясясь в вагоне, думал о доме и о любимой. Наконец вот они, родимые места, знакомый вокзал. Сойдя с поезда, паренек глубоко вдохнул. Боже, наконец-то приехал. Еще каких-то сорок километров — и дома. Обнимет мать с отцом, увидит и расцелует свою любимую. Так хорошо, так горячо стало на сердце, и в то же время терпение не давало покоя. Медлить нельзя.

В ближайшем цветочном киоске Семен купил для невесты цветы и подошел к таксисту.

— До Глухова довезешь? — поинтересовался он.

— Пятьсот рублей.

— А чего так дорого?

— Дешевле никто не повезет, — только и ответил таксист.

Семен махнул рукой, отдал деньги и сел в машину. Таксист оказался человеком не молчаливым. Всю дорогу не переставая рассказывал о рыбалке и жаловался на плохие дороги. Но солдатику уже было не до разговоров, и он молча отвернулся к окну. Где-то на полпути их резко обогнала иномарка, несясь с огромной скоростью.

— Ты гляди, что вытворяет! — воскликнул шофер. — На тот свет скорее хочет. Все там будем, успеешь!

— Возможно, торопится.

— Ха, торопится. Вот из-за таких и бывают аварии на дорогах, — таксист приспустил стекло и, не спросив разрешения у паренька, закурил. — Случай был, давно, правда... Знакомый у меня один, хороший знакомый, к жене в роддом ехал. Дочь родилась. Тоже вот так несся сломя голову, ну и что думаешь — разбился, не доехал. И жену вдовой, и ребенка сиротой

оставил. Вот и думай после этого, дорога таких не любит.

Семен посмотрел на спидометр, который показывал семьдесят километров, и снова отвернулся к окну, где мелькали березы и время от времени — придорожные памятники, напоминающие о трагедии. Как же их много. Стоят себе молча, никого не трогают, но как бы своим присутствием напоминают водителям: сбрось скорость, не торопись.

И наконец родное село, вот он, родимый дом. Паренек, поблагодарив таксиста, вышел из машины. Рядом с домом стояла соседка и посматривала куда-то вдаль. Семен подошел к ней тихонько и обнял за плечи.

— Равняйся! Смирно! — улыбнулся дембель. Настроение снова поднялось. Хотелось радоваться и плясать. Соседка обернулась и уставилась на паренька тревожными растерянными глазами. — Баб Маш, ну вы чего, не признали, что ли?

Женщина молча, с какой-то непонятной тревогой смотрела Семену в глаза.

— Баб Маш, ну чего вы, словно призрака увидели. Хех. Вот тебе и раз. Вот так и рады. Разве так из армии встречают? — паренек улыбнулся.

— Семен, — еле слышно произнесла старушка.

— Ну наконец-то узнали, — парень кивнул на дом, — мои-то дома, не знаете?

Старушка медленно посмотрела на дом, затем снова на молодого соседа и отвела взгляд в сторону. Впереди на дороге показалась грузовая машина и люди в черных платках.

— Умер, что ли, баб Маш, кто? — серьезное лицо паренька уставилось вдаль. Соседка промолчала. — Баб Маш! Кого хоронят-то?

Старушка повернула морщинистое лицо, и в ее глазах блеснули слезы.

— Баб Маш, хоронят-то, говорю, кого?

Но старушка по-прежнему не проронила ни слова, только с невыносимой грустью и скорбью смотрела на паренька. Семен заволновался и стал пристальней всматриваться в толпу. Уж не из знакомых ли кто? Впереди рядом с машиной с неживыми лицами шли родители Оксаны. Но ее рядом с ними не было. Семен с невыносимой тревогой пробежал взглядом по толпе. Под сердцем больно кольнуло. Оксаны нигде не было.

— Боже, да неужто она в гробу? — еле слышно, с болью в голосе произнес паренек и, еще раз посмотрев на старушку, по ее глазам догадался, что это так. Хоронили Оксану. Мужчины, дети, женщины в траурных платках медленно шли за машиной, из которой тихонько ложились на асфальт еловые ветви. Провожали всем селом. Плакали многие. Кто-то медленно шел за машиной, кто просто покидал свои дома и выходил к дороге, и все со слезами и с болью провожали в последний путь девушку, о доброте и нежности которой знал каждый.

Машина с гробом медленно проехала мимо них. Из толпы показались родители Семена. Заприметив сына, тут же двинулись к нему.

— Семочка, миленький!.. Сыночек, горе-то какое, горе!.. — мать со слезами обнимала сына, целовала, плакала. — Ты только держись, родненький, только держись. — Женщина не переставала плакать. — Господи, господи!

Отец стоял рядом, успокаивал жену и с болью смотрел на сына. Семен обнял родителей и заплакал. Крупные слезы покатались по щекам. Рука дрогнула, красивый букет упал на холодную землю. Семен поднял его, отряхнул и, вытирая слезы, отправился за машиной. Внутри творилось чёрт-те что. Душа вся выворачивалась и редела от боли. Да как же так?.. Да за что же!.. Семен, одурманенный болью и горем, медленно шел за толпой, гнева и проклинающая все на свете. Неужто он больше никогда не увидит ее нежных и добрых глаз? Как же так?.. Неужто никогда не услышит ее ласкового голосочка? Неужто никогда?! Никогда. Какое это страшное слово. Паренек остановился, присел на асфальт и заплакал.

Позже от родителей Семен узнал, что какой-то пьяный лихач на машине средь бела дня, несясь как сумасшедший, сбил Оксану на тротуаре, когда та шла к почтовому ящику, чтобы отправить письмо любимому солдатику. Семен долго перечитывал ее последние в жизни строчки и тихонько плакал. В конце письма стояло: «Ну вот, любимый, наконец-то мы снова будем вместе...»

Обманутое сердце

Олег Кузиков возвращался с работы домой. Шел не как обычно, через парк, а к реке, через мост, хотя так и вдвое дольше. Ноги сами вели, можно сказать, неизвестно куда. Хотя почему неизвестно? Известно. И сердцем, и здравым смыслом Олег понимал: все ради того, чтобы увидеть ее, Ольгу. Она вернулась в село четыре дня назад, и все это время Олег только и думает о ней. И радость, и злоба, и ненависть — все перемешалось в голове. Конечно, где-то в глубине души он желал ее увидеть и в то же время до боли в сердце ненавидел за предательство. Ольга, словно вихрь, ворвалась семь лет назад в его скучную, однообразную жизнь. Тогда она с матерью продала в городе квартиру и перебралась в село. Мать ее сильно болела, а сейчас и подавно, почти не видит и с трудом ходит. Если бы не Тамара-почтальонка, померла бы, наверное, старуха в одиночестве. Лекарства — и те самой не купить. Олег, когда увидел впервые Ольгу, думал, сойдет с ума. Сердце так и готово было выпрыгнуть из груди. Полюбил ее всей душой. Да разве такую красавицу можно было не полюбить? Глаза, словно звездочки, светят чем-то теплым и светлым и в то же время немного лукавы и по-детски добрые. Густые темные волосы, маленький красивый носик, улыбка приятная и до боли завораживающая. Красавица, что тут говорить! Потому и полюбилась многим ребятам на селе. И бежали за ней, и дрались из-за нее не раз. А она лишь кокетливо улыбалась. И отпор толком никому не давала. А каждый думал, что все-таки ей нравится. Олег тогда со всеми перессорился: и с родителями, и с товарищами. Батя все твердил, мол, не пара тебе, а к ребятам испытывал ревность. Как-то колол Олег дрова, видит, Степка с Ольгой под ручку гуляют. Обрато идет Степан один, Олег — к нему. Схватил за локоть, замахнулся топором и говорит, мол, еще раз увижу с ней, руку отрублю. Степан трухнул. Больше его с Ольгой не видели. Да и другие ребята тоже постепенно забыли про нее. Горячий Олег был парень. По молодости да от ревности много мог глупостей натворить, хорошо, что до этого не дошло. Так и стала она с ним встречаться. Вечерами и в клуб бежали, и по селу гуляли, на лугу в стогах миловались, всюду вместе, всюду рядом. Дело уже до женитьбы

дошло. Олег уже в город за кольцами собирался ехать... К ее матери с родителями свататься ходил. И все бы хорошо, да только непутевой девкой оказалась Ольга. Перед самой свадьбой приехали из города в их село артисты выступать. Концерт давали. Умело играли, соколы окаянные. И как-то так само получилось, что уехала Ольга с этими артистами в город. Позже письмо матери прислала, извини, мол, но не по мне сельская жизнь. Столько боли и злости было тогда в Олеге, что, попадись они ему на глаза, убил бы. Да и перед односельчанами было ужасно стыдно. Коль совсем недавно ходил с такой красавицей в обнимку, гордо задрал подбородок, а теперь эта красавица где-то в городе резвится с другим. «Ну и лопух, вот же лопух!..» — сквозь зубы твердил Олег.

Многие за глаза о нем потом долго шушукались. Кто смеивался, кто-то жалел, но все же говорили и обсуждали. Олег, недолго думая, взял в жены Фёклу. Тихую, скромную, красотой совсем не выделяющуюся девушку.

— С лица воду не пить, — объяснял он всем свое решение. — Зато мне она душою глянется.

Но все понимали, что со злобы он женился на Фёкле, не по любви. Родила она ему двух сыновей. Ольга потом писала матери, что тоже вышла замуж за одного из артистов, живет хорошо, не жалуется. Каждое лето обещала приехать, да так и не приезжала. Детьми не обзавелась. И вот недавно пришло письмо, что разводится она. Все, мол, надоело, все плохо. А пару месяцев погода и сама Ольга вернулась в село.

Подойдя уже к мосту, Олега окликнули. По правую сторону, шагах в двадцати, рыбачил тот самый Степан, которому Олег когда-то угрожал топором. Рядом рыбачил Степкин отец, Дмитрий Иванович.

— Чего такой задумчивый, али призрака увидел? — задорно улыбнулся Степан. Олег остановился, посмотрел на рыбаков, но ничего не ответил. — Подходи, покурим.

— Некогда.

— Что так? Никак к Ольге намылился? — уж больно Степкин голос был веселым и звонким и оттого неприятным. Олег стиснул зубы и направился к ним.

— Куда, говорю, собрался? — снова поинтересовался Степан.

«Твое-то какое собачье дело?» — подумал Олег. Эти ехидные глаза и улыбка сейчас очень раздражали его. Казалось, опять вернулись к прошлой песенке и есть над чем посмеяться. Олег вынул из кармана пачку сигарет, прикурил.

— Не угостишь? — спросил Дмитрий Иванович. Олег протянул ему сигарету. — В самом деле, чего такой задумчивый?

— Да так...

— Или стряслось чего?

— Да к Ольге он намылился. Не видно, что ли, — Степан опять заулыбался.

— Ты бы лучше на поплавок поглядывал, чем на меня. А то ведь я могу и окунуть. Вот видел? — Олег показал кулак. — Быстро по сусалам словишь.

— Что же теперь, и сказать нельзя? — Степан приумолк.

— Не горячись, не горячись, — остановил его Дмитрий Иванович, зная горячий характер собеседника. Вынул спички, прикурил. — Вот спасибо. А я нынче что-то про курево и забыл. Прикормки много взял, а сигарет всего полпачки...

— Много, что ли, поймал?

— Клюет-то хорошо, да мелюзга одна. Поймаешь — отпустишь. Но пару окуньков хороших взял.

— Теть Таня-то как? Как нога? — поинтересовался Олег здоровьем жены, что пару недель назад сломала ногу. Шла из магазина и умудрилась как-то оступиться. Прямо на ровном месте. Вот ведь как. Бывает, человек с четвертого этажа упадет — и ни царапины, а бывает и так — на ровном месте.

— Да как, — Дмитрий Иванович улыбнулся. — Прыгает сейчас на одной ноге. Я — ей: ты говори, отдыхала бы побольше, а она все по дому хозяйничает. Никуда без работы.

— Это у них, у женщин, видно, в крови. Моя тут тоже...

— Ты в самом деле к Ольге собрался? — Дмитрий Иванович пристально посмотрел Олегу в глаза. Тот от неожиданности смутился, убрал взгляд. — Не дури. У тебя же семья. Фёкла — замечательная жена и мать. Не маялся бы ты дурью. Людям дай только повод, обсуждать начнут...

— Да я только в глаза ее наглые хочу заглянуть.

Что она мне скажет, интересно, при встрече, — Олег хмыкнул, потушил окуроч.

— Я ее тут давеча видел... Из сельмага шла. Увидела меня — улыбается, веселая. Какая была, такой и осталась. Красивая, зараза, — Степан, заметив на себе строгий взгляд Олега, тут же замолчал и уставился на поплавок.

— Ладно, — махнул он рукой. — Рыбачьте. Не буду мешать.

— Не нужно тебе это. Шел бы лучше домой...

— Да я только в глаза ей хочу посмотреть, только в глаза. Эх!.. — Олег махнул рукой и скорее поспешил перейти мост.

И вот он уже на улице, на той самой улице, по которой когда-то гордый и счастливый расхаживал с Ольгой за ручку. Тогда он действительно был самым счастливым человеком, потому что очень любил и был на седьмом небе от счастья. Видно, поэтому и не разглядел ее дурные качества. Это всегда так, когда кого-то любишь. Идеализируешь человека, стараясь не обращать ни на что внимания, ни на какие мелочи, хотя порою в этих мелочах и скрывается истинная суть человека. Никогда бы Олег не подумал, что его прекрасная Оленька, в которой он души не чаял, могла оказаться такой эгоистичной особой. Ничего не объяснив, посмеявшись, уехать в город, оставив его на обсуждение всему селу и большую одинокую мать...

В саду под яблоней сидела Ольга и листала какой-то журнал. Иногда улыбалась, вычитывая что-то интересное и, может быть, даже веселое. Олег заметил ее еще издали и почему-то тут же сбавил шаг, хотя по-прежнему направлялся к ее дому. Он шел очень медленно, любуясь ее красотой. Боже, до чего же она была прекрасна!.. Да разве сердце выдержит, да разве возможно устоять перед такой красотой. Казалось, обида и боль, что надолго затаились в сердце, потихонечку стали его покидать. Она по-прежнему была хороша собой, даже еще красивее, чем раньше. Ее красота ослепляла так, что было трудно дышать. Олег остановился, перевел дыхание и быстрым шагом направился к ее калитке. Ольга, заметив своего бывшего ухажера, поднялась. Кузиков вошел в сад и, поймав на себе ее удивленный и в то же время, как и раньше, добрый и немного лукавый взгляд, остановился. Долго

стояли, поглядывая друг на друга, не проронив ни слова. Олег ждал, что она первая с ним заговорит, — не хотелось начинать разговор самому. Но Ольга молча смотрела в его глаза, и кончики губ ее даже слегка улыбались. Его это злило.

— Что, не ждала? — рассеял молчание Кузиков.

— Почему же? Ждала. И даже очень рада тебя видеть, — голос ее был приятным и даже отчего-то веселым. — А ты возмужал. Подумать только, каких-то семь лет... Ты проходи-проходи... Зайдешь в дом? Чаю хочешь?

Олег не ответил. Он вновь уставился в ее глаза, словно пытался уловить хоть каплю сожаления. Но в них по-прежнему отражалась какая-то непонятная ему радость. И от этого становилось на душе еще хуже.

— И ничего ты мне сказать не хочешь? — он пошевелил злобно скулами.

— Почему же? Хочу. Очень хочу, — Ольга подошла к нему ближе, взяла его ладонь. — Но что говорить, Олеженька, к чему сейчас слова? Я и сама понимаю, что предала тебя. Глупо поступила и теперь всю жизнь буду об этом жалеть. Если бы ты смог меня простить, только простить... Мне большего и не нужно. Да, оступилась разок, но с кем не бывает? Ведь я в первую очередь человек, а нам свойственно делать ошибки и учиться на них. — Она сильнее сжала его ладонь, поднесла к груди, прямо к сердцу. — Я слышала, ты теперь женат? — Олег кивнул. — Это замечательно, это хорошо, нет, нет. Не хочу верить, что ты принадлежишь кому-то. Не хочу. Ты ее любишь?

Олег промолчал.

— Да, я виновата, — она вздохнула, но ее глаза, как и прежде, улыбались, в них не было ни раскаяния, ни чувства вины, словно слова вылетали сами собой, а глаза в эту минуту смеялись. Было противно и больно на это смотреть. Сердце сжималось, и, как бы ни было тяжело, как бы ни осознавал он все происходящее, где-то в глубине души, в подсознании, он все равно ее любил. Это невозможно было скрыть. И Ольга это сразу увидела и поняла по его взгляду, как только он прошел за калитку.

— Помнишь, когда мы наблюдали за закатом, ты сказал, что сделаешь все, чтобы я была счастливой. Помнишь? Знаешь, Олег, я бы очень хотела снова вернуть то время. Очень. Ты мне по-

прежнему дорог, и пусть ты и женат, но я все равно тебя люблю. И ты меня любишь, я знаю, — Ольга попыталась поцеловать его, но Олег отвернулся, убрал руку из ее нежной ладони и тихонько вздохнул. — Ведь ты же любишь меня! Не обманывай ни меня, ни себя в первую очередь.

Олег еще раз заглянул в ее хитрые, лукавые глаза и, ничего не ответив, отправился домой. Ольга что-то кричала ему вслед, но слова ее до него не доходили. Голова была занята другим. На душе было плохо, противно. Он сейчас сам не узнавал и не уважал себя. Хотел наговорить ей много чего плохого, хотел, а не смог. Много раз он представлял себе эту встречу, что она будет плакать, искренне просить у него прощения, сожалеть, но никак не думал, что выйдет все так. Глаза ее сказали больше, чем она сама. Единственное, в чем была она права сейчас, так это в том, что он по-прежнему ее любил, но за что, сам не знал. И очень сильно мучил один вопрос: а любила ли она когда-нибудь его, ну хоть маленько?

На кухне тускло горел свет. Олег сидел за столом, лениво ковырял вилкой картошку и думал о сегодняшней встрече. Из комнаты вышла Фёкла, присела рядом.

— Ольга приехала, знаешь? — тихонько произнесла она.

Олег посмотрел на супругу, но ничего не ответил, уткнулся глазами в тарелку.

— Был у нее?

Олег молча, не поднимая взгляда, кивнул.

— Да-да, это, конечно, нужно поговорить... Обязательно нужно... Это ведь... — Фёкла помолчала, тихонько вздохнула. По настроению супруга, по его жалкому виду она все поняла. — Ванечка что-то опять прихворал немного. Тридцать семь и восемь. Максимка сегодня заявил: буду, говорит, трактористом, как папа. Трактор просит. Пришлось пообещать пока игрушечный, — Фёкла улыбнулась и, прикрыв лицо ладонями, заплакала.

— Ну чего ты, господи, в самом деле? Все хорошо, все хорошо...

Сердце дрогнуло, Олег обнял жену, поцеловал ее густые темные волосы, прижал к себе.

— Ну хватит плакать, хватит. Ванька выздоровеет к выходным, в город поедет. И трактор купим, и тебе, дорогая, платье подберем, да? —

Фёкла, вытирая слезы, кивнула головой. — Ну вот, а плакать не нужно. Ты ступай в комнату, а я сейчас со стола приберу и тоже подойду.

Олег вышел на крыльцо, уселся на ступеньки и закурил. В небе потихонечку стали появляться звезды. Легкий теплый летний ветерок слегка играл с листвой деревьев. На душе стало хорошо. Даже думать сейчас ни о чем не хотелось.

Портрет на память

Деревня Ижовка окольцована садами. С дороги ее хорошо видно. Через рыжее спелое поле виднеется такой маленький остров, будто лодка по реке плывет. Почти у каждого жителя в саду посажены вишня и сирень. Весной, когда все цветет, деревня усыпана белыми, сиреневыми цветами и стоит приятный сладко-кислый аромат.

Еще Ижовка славится целебной водой. За деревней, ближе к лесу, бьет родник, и вода его считается лечебной. Летом часто можно увидеть в деревне городских на дорогах машинах. Остановившись перед каждым встречным, всегда интересуются об одном и том же — как добраться до родника.

Хотя колодцев в деревне много, местный народ все равно ходит к роднику за водицей: испить или просто умыться. Да разве сравнится вода из колодца с родниковой живою водою? Одно удовольствие только любоваться, как пробивается из земли, расталкивая маленькие песчинки, хрупкая струйка. Вот она где жизнь!

Проخور Афанасьевич, как обычно, с самого утра шевырялся во дворе, когда его окликнули. Старик обернулся. По ту сторону забора стоял паренек лет двадцати в разноцветной футболке, с рюкзаком за спиной.

— Прутников Проخور Афанасьевич здесь проживает? — спросил вежливо юноша.

— А? — не расслышал старик. Он был глуховат на одно ухо.

— Прутников — это вы?!

— Я, я, да... Э-э, — старик подошел ближе, чтобы лучше разглядеть гостя.

— Сергей, — представился парень и протянул через забор руку. Старик пожал крепкую молодую ладонь. — Понимаете, в чем дело. Я студент.

Художник. Учусь на четвертом курсе. Мне нужно к началу августа сдать пейзажные работы. Неплохо было бы показать и сельский быт. Понимаете? Мне бы вашу местную красоту запечатлеть на бумаге. Так сказать, увековечить, — парень улыбнулся. — Места у вас красивые, родник славится на всю округу — только и работай. А остановится вот не у кого. Ко многим просился. Не пускают. Одна женщина посоветовала к вам обратиться. Вы, сказала она, кого-то прошлым летом к себе пускали. Да и живете, говорит, одиноко, скучно одному-то.

Проход Афанасьевич и взаправду жил один. Жену, Агафью, схоронил восемнадцать лет тому назад. Умерла сердечная от рака. Долго хворала и мучилась. За всю жизнь ни одну букашку не обидела, слова худого никому не пожелала. А тут... умирала в муках. Видно, такова воля Господа. Долго Афанасьич не мог прийти в себя после смерти супруги. Замкнутым стал. На людях почти не показывался. Всю зиму в избе просидел. Сам захворал сильно. Если бы не тетка Анисья, почтальонка и местная знахарка, может, и сам следом за Агафьей ушел бы. Не редкость, когда вот так старики друг за другом уходят. Чаше почему-то мужики одиночества не переносят. Что ни говори, а все же бабская душа закалкой сильнее.

Проход Афанасьевич потер седую щетину и улыбнулся, по-детски прищурился один глаз. Отворив калитку, старик запустил юного гостя во двор и велел идти в избу.

— Только, дед, давай сразу договоримся о цене, — поправляя рюкзак, промолвил Сергей. — Денег, скажу сразу, немного. Да и сами понимаете, когда это было видано, чтоб у студентов деньги водились. Тут и... — хотел было что-то добавить паренек, но старик его перебил.

— Будет тебе, ну что ты в самом деле, — Проход Афанасьевич похлопал паренька по плечу. — Коли дружно жить станем, так хоть все лето гости. Отчего бы хорошего человека не принять. Постель имеется, чаю ей попусту без дела стоять.

На том и сошлись. И зажили они, как и велел хозяин избы, дружно. Сергей, с утра пораньше позавтракав, уходил за околицу «увековечивать» местную природу. Старик, покопавшись немного на заднем дворе да в огороде, брел в избу приготовить обед.

Понравился ему студент. Особенно нравилась Проходу Афанасьевичу его настойчивость. Если у того что не получалось, не отчаивался — ничего, мол, завтра обязательно получится. И то, что паренек был худоват, особо печалило старика. Ему постоянно хотелось того ублажить — угостить чем-нибудь повкуснее, пожирнее, помясистей. Уж больно фраза эта запала в душу: «где это видано, чтоб у студентов деньги водились». Вспоминались сразу военное детство, послевоенная юность, тяжелый ранний труд. Оттого-то, может быть, и проснулась непонятная жалость у старика к пареньку.

Еще Прохода Афанасьевича радовало то, что Сергей выбрал именно его деревню и так живо расхваливал ее красоту. Сейчас ведь вся молодежь в город бежит, лучшей жизни, лучшего угла ищет. И потому, когда Сергей возвращался в избу, удовлетворенный работой, его на столе поджидала жареная картошка с грибами, ломоть сала, зелень и кувшин с молоком. Студент благодарил старика, садился трапезничать и обязательно рассказывал Проходу Афанасьевичу, что сегодня рисовал. То это была покосившаяся у оврага березка, то пастух Егор с деревенским стадом, то сама Ижовка со стороны леса. Родник пока не трогал — берег до последнего. По словам паренька, ему хотелось, чтобы душа сама потянула его к нему, тогда точно картина получится. Ведь любая работа должна ладиться с душой. Зритель это сразу почувствует.

— Тут к пастуху девчушка постоянно с ведром ходит, корову доить... Рыженькая такая, Клавой звать, — завел как-то раз Сергей за ужином тему. — Смешная. Я как вечером ни пройду по деревне — все никак не могу встретить. Неужто дома сидит? Барышня эдакая...

— Дык ты про Мурзину внучку, что ли? Хех. Заставишь такую невесту дома сидеть. С Егоркой на танцы ездят на его-то трехколесном агрегате.

— Это куда?

— В район. Куда же еще. Тут до Черемушек рукой подать.

— Танцы — дело хорошее. Надо как-нибудь клуб ваш посетить. Размять кости.

— Не ходил бы один-то. Новеньких-то не особо встречают. Кабы бока не намяли... Она ить молодежь сейчас такая... И не посмотрят, что один.

— Ну, этим меня, дед, не возьмешь. Не родился еще тот человек, которого бы я испугался.

— Иди к лешему, — улыбнулся старик в беззубый рот. Сергей, глядя на него, тоже усмехнулся.

В Черемушки тот все-таки скатался. Правда, как съездил, не говорил. Только отнекивался, что приехал он сюда не отдыхать, а работать, за юбками он и в городе хорошо ухлестывает. Что там произошло, неизвестно, только после этого юный художник вечерами из дому нос не казал.

Работать с землей, как оказалось, Сергей не привык. Как-то Прохор Афанасьевич попросил помочь ему на усаднике картошку окучить. Паренек согласился. Но, порыхлив землю мотыгой, под солнышком, догадался, что работенка-то не из легких. И сообщил старику, что помог бы и дальше, но руки беречь нужно, ведь у художника весь талант именно в руках кроется. Старик поначалу на это обиделся и про себя выругал того лентяем, но к вечеру обида прошла.

«Ну в самом-то деле, — размышлял про себя Прохор Афанасьевич. — Ведь каждому свое. Зато он вон как красками рисует. Залюбуешься».

По субботам Прутников топил баню. Вечером, загнав кур и подоив козу, Прохор Афанасьевич со студентиком шли споласкивать недельную сажу. Париться Афанасьич любил долго. Березовым веником хлестал паренька по раскаленной спине и ногам, лишь изредка поправляя на голове шапку. Сергей несколько раз выбежал в предбанник отдышаться и испить кислого домашнего квасу. Сам же Серега махал веником лениво, не с таким азартом выходило у него, как у старика. Да и руки уставали быстро, и голову тоже пекло. Уже в предбаннике, усевшись на лавку, паренек поглядывал на разруганное жилистое тело хозяина бани и дивился тому, откуда в нем столько силы и энергии. Глядел на крепкие худые руки, на которых, словно натянутые тросы, виднелись толстые вены. Знал бы он, сколько эти руки испытали на себе работы, сколько всего было переделано и сделано этими толстыми сбитыми пальцами. Представить — и то трудно.

Вечерами, перед сном грядущим, старик выходил во двор, усаживался на лавку, забивал табаку и любовался розовым небом, что уходило за горизонт. В такую погоду приятно посидеть на свежем воздухе. Что-нибудь да обязательно припомнится из прошлого. Непонятные думы лезут

в голову, и всем телом ощущаешь радость того, что живешь. Ведь не дано больше тем, кто ушел от нас, радоваться нежностью этого вечера, ощущать легкую прохладу летнего ветерка, любоваться закатом и наслаждаться тишиной. И как-то печально становится немного. Понимаешь частичкой себя, что все это будет вечно. Все, но не ты. Рано или поздно человеку придется уйти, но все так же будут гореть закаты и полыхать рассветы, все так же по осени улетят зимовать птицы, все так же зимою выпадет пушистый снег... Обязательно вспомнишь в такой вечер дорогих сердцу людей. Сердце всегда болит за детей и внуков, переживает и беспокоится, часто, конечно, без дела, но на то оно и сердце. Ему не прикажешь — не волнуйся, все в порядке. Обидно от того, что разъехались дети кто куда и затянул, как водоворот, их этот стальной город, что и не выбраться из него, не найти время приехать на выходные к отцу или черкнуть пару строк, что все в порядке. Даже до этого не доходят руки.

Пришло время и Сергею возвращаться обратно в город. Рисунки были готовы, и на просьбу старика погостить еще пришлось вежливо отказать. Некогда.

Прохор Афанасьевич долго любовался работой юного гостя и, как всегда, по-детски, с прищуром улыбался. Постоял, постоял возле рисунков и попросил паренька:

— А вот меня так же сможешь нарисовать, а?

— А чего бы нет, — улыбнулся Сергей. — Легко!

— Я ее вот тут повешу, над кроватью. Ничё, как думаешь?

— Нормально, — согласился парень.

Прохор Афанасьевич принарядился, как на праздник, причесался, на пиджак повесил медали, которые у него имелись, и затаив дыхание уселся на стул. Сидел неподвижно, не то что шелохнуться — моргнуть боялся, пока юный художник не успокоил его. Мол, ничего, если немного и пошевелишься, ведь человека рисуем, а не куклу. И вот пара часов работы — портрет готов. Как живой получился на нем Афанасьич, даже моложе своих лет.

Долго старик любовался работой, приятно улыбаясь. Даже слеза блеснула в глазах. Сергей помог повесить портрет над кроватью, куда велел старик, и попросил за работу три тысячи рублей.

— Что ни говори, дед, а работа есть работа,

она оплачиваться должна. Это я еще по-братски беру. В городе за такой портрет раза в три заплатили бы больше.

Прутников ничего не ответил. Ушел в горницу, достал из старого комода узелок, развязал платок зубами и взял нужную сумму. Паренек забрал деньги, поблагодарил еще раз старика и поспешил на автобус.

Проход Афанасьевич постоял немного у кровати, полюбовался портретом и, прихватив авоську, пошагал к магазину. На обратном пути собирался навестить Агафью. Только там, присев у могилочки, всегда можно поговорить с душою.

Бабушка Зоя

Бабушка моя, Лысова Зоя Александровна, родилась 30 сентября 1941 года в деревне Вертяново Дивеевского района. Деревеньку в одну улицу Вертяново и село Дивеево разделяла речушка Вичкинза. Вернее мост, что лежал через реку. Давно уже нет этой деревеньки, которая, словно деревце к дереву, приросла к огромному селу и носит новое название — Дивеево. Но все равно устами местных так и кличут жителей той стороны — «вертяновскими».

Каждый раз, вспоминая что-нибудь из далекого солнечного детства, теплая радость, словно маленький огонек лампадки, согревает душу. Будь то школьные будни, детские мальчишеские проделки, веселые игры или же ночевки у бабушки Зои. Столько времени прошло уже, а помнится, как будто все это было вчера. Мне лет восемь, сестренке Валюше и того меньше, годиков шесть. Зимой в каникулы бабушка частенько брала нас к себе ночевать, чтобы родители хоть как-то могли отдохнуть от нас, сорванцов. Бабушкина квартира находилась на первом этаже старого двухэтажного дома. Это уже после она получит уютную однокомнатную квартиру со всеми удобствами, а до весны 2002 года проживала в негодном доме. Окна первого этажа уходили в землю, и, находясь в самой квартире, было забавно смотреть в них — вроде бы и огород, и кусты малины, и крапива за стеклом, и в то же время виднеется земля. Летом в квартире, когда не топились печь, было холодно и сыро. По ночам со скрипом отклеивались от холодной штукатур-

ки обои, и того гляди, казалось, что вместе с ними рухнут и стены. Может, и днем тоже обои трещали, но в суматохе дня этого как-то не замечали. Но зато по ночам, когда все вокруг стихало и погружалось в сон, стены, словно ночные призраки, напоминали о себе. Сама квартира была двухкомнатной. До пяти лет я с родителями и сестренкой проживал в одной из комнат, пока матери не дали отдельное жилье. Как только мы переехали в двухкомнатную квартиру, бабушка перебралась в нашу комнату — она была больше, светлее и теплее. Другую же комнату со временем завалили старыми не нужными никому вещами. Отчего-то повелось так у нашего народа, что вроде бы вещь и старая, никому уже не нужная, а выбрасывать жалко. Словно память сжимает ладонью сердце и не велит выкидывать. Пусть хранится, хлеба не просит, может, когда-нибудь да сгодится. Вот именно ту самую комнату я и любил навещать, будучи мальчишкой, когда гостил у бабушки. Чего там только не было: старые книги, журналы, открытки, письма, изломанные часы, разобранное радио и телевизор, игрушки, среди которых была и мамина детская кукла. Кукла эта давно уже почернела от старости, и рот ее был разрезан ножницами. Это мама маленькой девочкой подправила резиновой кукле ротик, чтобы та могла кушать кашу. Столько времени прошло, как ни странно, а кукла сохранилась. Мама давно уже окончила школу, отучилась в Горьковском училище на швею, вышла замуж, родила меня и сестренку, а кукла по-прежнему уютилась среди старых коробок, изломанных ненужных вещей, как бы дожидаясь своей участи — а может, все-таки еще поиграют? Посмотрев на черно-белых Степашку и Хрюшу по телевизору «Рекорд», мы начинали готовиться ко сну. Я знал, что сразу мы не уснем. В темной комнате, что освещалась ночной луной, лежа в постели, мы, как обычно, заведем беседу. Бабушка расскажет какую-нибудь сказку, а может, и не одну. Бабушка Зоя много знала сказок. На то она и бабушка. Это был, поди, самый щемящий сердце момент, когда, наигравшись за весь вечер, мы начинали готовиться ко сну, хотя спать особо еще не хотелось. По крайней мере мне и сестренке, ну, на худой конец, уж мне-то точно. Я всегда любил такие вот беседы и, как себя помню, постоянно был любопытным мальчишкой.

Бабушка рассказывала сказку, а если мы не засыпали, то рассказывала еще одну. В основном это были одни и те же сказки — «Красная Шапочка», «Гуси-лебеди», «Снежная королева»... Зная наизубок каждую из этих историй, они казались мне уже скучными. Поэтому мы с бабушкой пробовали придумывать новые сюжеты по старым сказкам. Получалось забавно и интересно. В нашей истории Красная Шапочка несла бабушке не пироги в корзинке, а колобка, и на пути ее повстречался не Серый волк, а Змей Горыныч. Сестренка тоже пыталась что-то вставить от себя, хотя бы словечко, но я ее перебивал, придумывая что-то свое. Вскоре и эти новые выдумки поднадоели. Напридумали историю такую, что и конец подобрать не можем. И кажется, что нет нашей сказке ни конца, ни начала. Валюшка давно уже спит, тихо посапывая носиком. Сестренка всегда ложилась с бабушкой на большом диване, я же — за печкой на кровати, как взрослый, лежал один. В комнате тихо играло радио (отчего-то у бабушки радио никогда не выключалось и жило своей жизнью), в печи, потрескивая, догорали поленья, а за ледяным окном свирепствовала, тяжело завывая, вьюга.

— Ну вот что, давай-ка уже спать, — говорит мне бабушка, поправляя сестренке одеяло. — Валюша уже седьмой сон видит, а ты все никак Змеем Горынычем не угомонишься.

— Не спится, — я поворачиваюсь на левый бок и сквозь темноту посматриваю на нее. — А расскажи про Марью-колдунью.

— Нашел время о колдунах говорить. Кто же по ночам о них вспоминает? — бабушка, покашляв, затихает.

Мне не спится. Лежа в кровати, откинув одеяло к ногам, я слушаю, как позади меня, в печи, все слабее и слабее потрескивают, умирают поленья. Ту историю о колдунье Марье, что проживала когда-то в Вертьянове, я немного знал. Но тогда, в ночной тишине, я снова хотел ее услышать. Но бабушка, по-видимому, устала от разговоров и всерьез приготовилась ко сну. И я пошел на хитрость.

— А правда, что колдуны могут в кошек обобщиваться? — спросил я вполголоса.

— Могут, — слышался бабушкин слабый голос.

— И в собаку смогут? — не унимался я.

— А чего бы и нет, — отвечала бабушка. — Они в кого угодно могут. Вот взять ту же Марью, к примеру...

— А что она?

— Снова не уснешь, бояться всего будешь, — упрекает бабушка.

— Не буду, — я отважно храбрюсь.

Спать и правда не хотелось, а послушать историю про колдунью, погугать свою детскую душонку было страх как интересно. И бабушка, снова вздохнув, начала рассказ:

— Идем мы как-то с девочками из клуба. Разговариваем, смеемся. Танцы вроде бы как уже и прошли, а расхотеться не хочется. И вдруг видим: за нами по дороге бревно огромное катится. Мы шаг прибавим — и оно за нами следом быстрее, мы остановимся — и бревно стоит. Испугались мы, девочки молодые, и бросились бежать не помня себя. А навстречу — брат мой Юрка с ребятами идет. Мы — к ним, так, мол, и так, бревно за нами катилось. Те — в смех. А кто-то из ребят и говорит, да это вас Марья погугать решила. Она это была.

— В бревно превратилась?

— Да в кого только не превращалась. То лошадью промчится по деревне, то свиньей разгуливает. А как-то тетя говорила, что сидела в избе днем, чай пила с баранками, вдруг глядь во двор — а там коза на поленнице сидит и в окно уставилась, на тетю смотрит. Тетя и говорит ей: «Ну чего ты, Марья, балуешься, чего тебе все неймется?» Та посмотрела-посмотрела и ушла долой.

— И что, все знали, что она колдунья?

— А чего бы не знать! Деревня маленькая. Все про всех знали. Да и сама по себе она была не злой, не вредной, только вот иной раз похулиганить любила. Умирала, правда, тяжело. Долго мучилась. Все просила воды ей подать, да никто не решался из соседей к ней подойти. Могла силу эту бесовскую передать. Оттого и мучилась долго, что никто к ней не подходил.

Я лежал, прижавшись левым ухом к подушке, и боялся шелохнуться. Это сейчас я прекрасно понимаю, что не может человек оборачиваться в животных и в другие предметы, что давнишняя эта история не более чем выдумка. Что когда-то давным-давно жила в нашем краю пожилая старушка Марья, возможно горбатая, скрюченная работой и старостью, замкнутая,

немножечко не в себе, и вот ею-то и пугали непослушных малышей родители. Так и прицепился этот облик к ней. Не ужилась бы настоящая колдунья с простым народом. Не ужилась. А, как известно, у страха глаза велики. Мало ли кто не привидится в темноте молодым девицам. Вот и мне тогда тоже после услышанного померещились на стене непонятные тени, того гляди так и норовили подкрасться ко мне, ущипнуть или схватить за ногу. И, не скрывая испуга, я попросился к бабушке на диван.

— А я что говорила, спать один не будешь, — и бабушка, осторожно пододвинув сестренку к стене, пододвинулась сама. Я прилет с краю на диван, прижался макушкой к теплому бабушкиному плечу и тихонько вздохнул. Уже было совсем не страшно.

— Ба-а!

— Ну чего еще?

— А кто сильнее, волк или собака?

— Опять двадцать пять. Ты уснешь или нет?!

— Усну-усну, — я прижимаюсь к бабушке так, чтобы было удобней слушать.

Бабушка обнимает меня и говорит, что сильнее волк, потому как он хищник. В комнате тихо играет радио, а я, укутавшись одеялом, слушаю бабушку, ее рассказ о том, как волки хозяйничали в их деревне в зимние военные годы. Тогда морозы стояли ужасные. Мужики все на фронт ушли, остались лишь бабы да дети. Вот зверь и повадился к деревням ближе ютиться.

Днем еще как-то побаивались показываться, а только-только стемнеет — волки тут как тут. Расхаживают по Вертьянову как хозяева и никого не боятся. Сколько собак погрызли — и представить страшно. Во двор не боялись забежать, из конуры вытаскивали. Выйдут бабы утром, а от собаки только ошейник рваный на снегу лежит. Лес-то рядом — рукой подать. Вот волки и выходили на прогулку. Затемно — к людам, с рассветом — обратно в лес...

Столько времени уже прошло, а все равно вспоминаются мне те беседы при ночной луне. Словно кто-то невидимой ладонью гладит мое сердце. Тепло и грустно становится. Тепло от того, что вспоминается детство. Детство — это всегда теплая весенняя пора. Грустно же потому, что совсем недавно не стало нашей любимой бабушки Зои. Она умерла 4 ноября 2014 года в праздник Казанской иконы Божией Матери. Как же хорошо, что у человека есть память и все самое хорошее, все самое драгоценное о человеке хранится именно там, в потемках души его, и живет вечно. Больно, печально и одиноко от того, что не обнять мне больше никогда ее хрупкие, дорогие сердцу плечи, не прижаться щекой к ее фартуку, не поговорить, не послушать ее забавных интересных историй... Но пока я живу, в сердце моем всегда будут храниться ее улыбка, добрый голос и теплые глаза.

□

Антон Евгеньевич ЛУКИН

родился в 1985 году.

Окончил Ардатовский аграрный техникум.

Прозаик. Автор семи книг прозы.

Публиковался в периодических изданиях, среди которых

«Наш современник», «Огни Кузбасса»,

«Литературная учеба», «Южная звезда», «Молодая гвардия»,

«Литературная газета», «День литературы» и др.

Лауреат премии «Умное сердце» имени Андрея Платонова (2012).

Дипломант всероссийского конкурса «Золотой Дельвиг» (2013).

Живет в селе Дивеево Нижегородской области.

